



## ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 . . . . .	7
Глава 2 . . . . .	15
Глава 3 . . . . .	30
Глава 4 . . . . .	61
Глава 5 . . . . .	72
Глава 6 . . . . .	81
Глава 7 . . . . .	97
Глава 8 . . . . .	103
Глава 9 . . . . .	113
Глава 10 . . . . .	136
Глава 11 . . . . .	151
Глава 12 . . . . .	162
Глава 13 . . . . .	175

Глава 14 . . . . .	181
Глава 15 . . . . .	186
Глава 16 . . . . .	200
Глава 17 . . . . .	207
Глава 18 . . . . .	212
Глава 19 . . . . .	221
Глава 20 . . . . .	234
Глава 21 . . . . .	241
Глава 22 . . . . .	248
Глава 23 . . . . .	264
Глава 24 . . . . .	274
Глава 25 . . . . .	312
Глава 26 . . . . .	329
Глава 27 . . . . .	339
Глава 28 . . . . .	358
Глава 29 . . . . .	371
Глава 30 . . . . .	387
Глава 31 . . . . .	405
Глава 32 . . . . .	419
Глава 33 . . . . .	435
Глава 34 . . . . .	460

Глава 35 . . . . .	474
Глава 36 . . . . .	491
Глава 37 . . . . .	505
Глава 38 . . . . .	526
Послесловие . . . . .	539



## ГЛАВА I

**В**се мы ищем в жизни некий идеал. В минувшие годы меня все чаще стала посещать приятная мысль, что, возможно, не много найдется человеческих существ, которых не занимали бы эти поиски в ту или иную пору их жизни хотя бы на краткое время. Я, несомненно, не нашла своего идеала в юности, но твердой веры в его существование оказалось довольно, чтобы в самые яркие, благоуханные годы моего расцвета меня поддерживала надежда. Не отыскала я его и в пору зрелости. Мне пришлось смириться с мыслью, что его уже не найти. Долгую череду туманных блеклых лет прожила я в безмятежном спокойствии, ничего не ожидая. Вот и теперь я не была уверена, но, казалось, у самого моего порога притаилось нечто неведомое, и меня охватило радостное предвкушение.

Взгляните, читатель, войдите ко мне в гостиную: права я или предаюсь пустым фантазиям — судите сами. Прежде всего вы можете рассмотреть меня, если вам угодно. Лучше будет, если я представлюсь вам по всей форме, и вы получите должное представление обо мне, прежде чем мы продолжим наш рассказ. Меня зовут

миссис Чалфонт. Я вдова. У меня хороший дом, а моих доходов хватает, чтобы не подавлять в себе желание проявить милосердие или оказать скромное гостеприимство. Я не молода, но и не стара. Седина еще не тронула моих волос, но нет в них и прежнего золотого блеска. На лице моем еще не прорезались морщины, но я почти позабыла те дни, когда оно окрашивалось румянцем. Пятнадцать лет вела я жизнь, которую не назовешь скучной и вялой, хоть мне и пришлось выдержать немало испытаний. Следующие пять лет я провела в одиночестве и, не имея детей, оставалась всеми покинутой, но недавно богиня судьбы прихотливым поворотом своего колеса послала мне и интерес к жизни, и собеседника.

Место, где я живу, довольно приятное, виды радуют взор, а общество любезное, хотя и немногочисленное. Примерно в миле от моего дома располагается школа для девиц, открывшаяся не так давно, не более трех лет назад. С руководительницами этого заведения я водила знакомство, и не могу сказать, что мнение мое о них особенно высоко, ибо за несколько месяцев пребывания за границей ради завершения образования они успели набраться всевозможных причуд, жеманства, напыщенности и надменности. Однако отдаю им ту дань уважения, которой, как мне кажется, заслуживают все женщины, что храбро смотрят жизни в лицо и пытаются собственными силами проложить себе дорогу.

Однажды днем, примерно через год после того, как сестры Уилкоккс открыли свою школу, когда число их учениц было еще крайне мало, а сами они, несомненно, отчаянно искали способ его увеличить, ворота перед их короткой подъездной дорожкой распахнулись, чтобы пропустить экипаж (очень красивый щегольской экипаж, как описывала его позже мисс Мейбл Уилкоккс,

рассказывая о случившемся), запряженный парой поистине великолепных лошадей. Промчавшаяся по дорожке карета, громкий звон дверного колокольчика, суета на крыльце, церемонные проводы посетителя в залитую светом гостиную — все это вызвало изрядный переполох во Фьюша-Лодже. Мисс Уилкокс направилась в парадную гостиную в новых перчатках, с платком из французского батиста в руке.

Там она увидела сидевшего на диване мужчину, который тотчас встал. Посетитель показался ей высоким и представительным — по крайней мере, так мисс Уилкокс подумала, поскольку тот стоял спиной к свету. Он представился как мистер Фицгиббон, осведомился, принимает ли мисс Уилкокс новых пансионеров, и признался, что желал бы доверить ее попечению свою дочь. Это была приятная новость, ибо в классной комнате Фьюша-Лоджа хватало свободных мест, поскольку учениц было всего три, пусть и избранных, и сестры Уилкокс смотрели в будущее без всякой надежды, понятия не имея, удастся ли свести приход с расходом за первое полугодие. Мало что обрадовало бы мисс Уилкокс больше, чем силуэт, к которому мистер Фицгиббон привлек ее внимание взмахом руки, — фигура девочки, стоявшей у окна гостиной.

Если бы в заведении мисс Уилкокс было больше воспитанниц, а сама она твердо вступила на путь преуспевания, которое годы спустя, благодаря неизменному вниманию к внешней стороне, научило ее так блистательно распознавать характеры, то прежде всего задумалась бы, послужит ли предлагаемое ей пополнение к чести школы, станет ли новенькая примерной ученицей. Она бы тотчас отметила внешность девочки, платье и прочее, и на основании этих признаков определила ее ценность. Однако в ту начальную пору, полную тревог и волнений,

мисс Уилкоккс не могла позволить себе роскошь оценивать. Что ни говори, появление новой ученицы обещало сорок фунтов в год, а мисс Уилкоккс очень нуждалась и рада была их заполучить; вдобавок прекрасный экипаж, представительный джентльмен и блестящее имя внушали отрадные надежды, а при изложенных выше обстоятельствах этого более чем достаточно.

Итак, мисс Уилкоккс признала, что во Фьюша-Лодже есть свободные места и мисс Фицгиббон может быть тотчас зачислена; ее обучат всему, что предусмотрено школьной программой, но возможны и дополнительные занятия — правда, за особую плату. Словом, новой ученице предстояло стать источником прибыли, а потому весьма ценным приобретением, дорогим сердцу каждой школьной руководительницы. Об условиях договорились легко, беседа прошла гладко, без малейших затруднений, проявлены были и мягкость, и щедрость. Мистер Фицгиббон не выказал жесткости, свойственной искушенным в торге дельцам, или той боязливой скупости, что отличает тех, кто сам себе зарабатывает на жизнь. Мисс Уилкоккс почувствовала в нем истинного джентльмена. Все убеждало ее отнестись чуть более благосклонно к маленькой девочке, которую отец перед отъездом официально вверил ее попечению. Казалось, ничто не могло бы усилить благоприятного впечатления, произведенного посетителем, но адрес на визитной карточке гостя довершил торжество мисс Уилкоккс, наполнив ее сердце ликованием: «Конуэй Фицгиббон, эсквайр. Мей-парк, графство Мидленд». И в тот же день вышло три указа относительно новенькой: во-первых, она будет делить спальню с мисс Уилкоккс; во-вторых, сидеть за столом рядом с мисс Уилкоккс; в-третьих, гулять тоже в сопровождении мисс Уилкоккс.

Несколько дней спустя стало очевидно, что в дополнение к трем предыдущим следует выпустить четвертый тайный указ: мисс Фицгиббон надлежит особо выделять, окружать заботой и всегда оберегать.

Одна несносная, скверная девчонка, что перед тем, как попасть во Фьюша-Лодж, провела год под присмотром неких весьма старомодных мисс Стерлинг из Хартвуда и набралась от них несуразных понятий о справедливости, вздумала высказать свое мнение об обыкновении заводить любимчиков, безрассудно заявив: «Мисс Стерлинг никогда никому не отдавали предпочтения, даже если кто-то богаче остальных или одет лучше. Это было ниже их достоинства. Они ценили девочек за хорошее обращение со школьными подругами, за прилежание и успехи в учебе, а не за обилие шелковых платьев, тонких кружев и перьев».

Не следует забывать, что, когда раскрыли сундуки мисс Фицгиббон, в них обнаружился роскошный гардероб, множество разнообразных нарядов столь изысканных, что мисс Уилкоккс, вместо того чтобы доверить это великолепие крашеным деревянным шкафчикам в школьной спальне, отнесла его к себе в комнату и убрала в комод красного дерева. С тех пор по воскресеньям она своими руками выдавала маленькой фаворитке ее шелковую стеганую накидку, шляпку и перья, боа из горноста, крохотные французские ботиночки и перчатки. С горделивым чувством самодовольства сопровождала она в церковь юную наследницу (письмо мистера Фицгиббона, полученное после первого его визита, раскрывало дополнительные подробности: там говорилось, что эта девочка единственное дитя сквайра, ей предстоит унаследовать все отцовские владения, включая и Мей-парк в графстве Мидленд). Так вот, когда случилось вести ее на службу, мисс Уилкоккс сажала девочку

рядом с собой на переднюю скамью церковной галереи. Беспристрастные наблюдатели, возможно, недоумевали бы, чем так гордится наставница, и ломали голову, пытаясь угадать скрытые совершенства этой юной леди в шелках, ибо, говоря откровенно, мисс Фицгиббон едва ли служила украшением школы: среди ее спутниц нашлись бы и куда более красивые девочки, с прелестными личиками. Будь она ребенком бедным, самой мисс Уилкокс вовсе не понравилась бы ее наружность: лицо девочки скорее отталкивало, нежели привлекало. Более того, временами директриса чувствовала, что испытывает странную усталость, следуя установившемуся порядку и проявляя благосклонность к избранным, хотя вряд ли признались бы в этом даже себе и, напротив, старалась гнать подобные мысли. Однако в данном случае питать особое расположение к воспитаннице казалось странным, не вполне естественным. Иногда смутные сомнения закрадывались ей в душу, и тогда она невольно задумывалась, так ли уж приятно опекать этого зародыша, будущую наследницу, не слишком ли тягостно вечно держать ее при себе, угождать, оказывать особое покровительство. «А как же принципы? — спорила она с собой. — Эта девочка самая знатная и богатая из всех моих учениц, мне выпала великая честь обучать ее. Она приносит самый крупный доход, а значит, имеет право на особое отношение». Что мисс Уилкокс и делала, хоть и со странным смущением, которое день ото дня все усиливалось.

Без сомнения, чрезмерное внимание, как и особое благоволение наставниц к юной мисс Фицгиббон, пользы ей не принесло. Положение любимицы директрисы восстановило против нее всех других воспитанниц, девочки не приглашали маленькую выскочку в свои игры и, насколько могли, решительно ее сторонились. Однако

в этом резком неприятии вскоре отпала нужда. В самое короткое время стало ясно, что довольно и безразличной отстраненности: любимая ученица не отличалась общительностью. Да, это признавала даже мисс Уилкоккс. Она всегда испытывала странную неловкость, когда посылала за девочкой, чтобы показать в парадной гостиной ее роскошные наряды, когда собиралось общество, а в особенности когда мисс Фицгиббон приглашали вечером в малую гостиную составить директорисе компанию. Она пыталась вести любезную беседу с юной наследницей, пробовала вызвать ее на разговор, развлечь, рассмешить. Наставница терялась в догадках, почему все ее усилия оказывались тщетными, однако именно так и случалось. Но мисс Уилкоккс была женщиной решительной и упорной: пусть протезе и не оправдала ее надежд, сдаваться не собиралась и, верная своим принципам, следовала политике предпочтения одних учениц другим.

У фаворитки не было подруг, и как-то один джентльмен, которому в ту пору случилось наведаться в Лодж и увидеть мисс Фицгиббон, гулявшую в одиночестве, пока другие девочки весело играли, заметил: «Это дитя кажется глубоко несчастным. Кто это бедное создание?»

Ему назвали имя воспитанницы и описали ее положение. Джентльмен с грустью наблюдал, как девочка шагает по дорожке, а затем поворачивает обратно: спина прямая, руки спрятаны в горностаевую муфту, изящная накидка ярко блестит на зимнем солнце, большая шляпа из итальянской соломки бросает тень на ее лицо, не похожее ни на одно другое во Фьюша-Лодже. Распахнув окно гостиной, он продолжал наблюдать за обладательницей муфты, пока взгляды их не встретились, затем поманил ее пальцем. Она подошла и запрокинула голову, а джентльмен наклонился к ней и спросил:

— Ты не играешь, малышка?

— Нет, сэр.

— Нет? Но почему? Ты считаешь недостойным играть с другими девочками?

Ответа не последовало.

— Или ты считаешь, что дети тебя не любят?

Юная леди ускользнула. Джентльмен протянул было руку, пытаясь ее удержать, но она увернулась, пустилась бежать и быстро скрылась из вида.

— Единственный ребенок, — заметила мисс Уилкоккс, пожимая плечами. — Возможно, слишком избалована отцом, но вы ведь понимаете: даже если она немного капризна, мы должны быть снисходительны.

— Гм! Боюсь, «немного капризна» — слишком слабо сказано: вам понадобится вся ваша снисходительность.